

«Если завтра война...» Подготовка к войне как часть воспитания советских школьников 1930-х годов (по материалам журнала «Пионер»)

МАРИЯ НАУМОВА

Студентка, Школа культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: naoumova.maria@gmail.com.

Ключевые слова: «Пионер»; советские школьники; война; образ врага; фашизм; 1930-е годы.

В статье проанализированы различные аспекты репрезентации военной темы и образов врага на примере журнала «Пионер». Эти темы и образы в совокупности стали частью воспитания советских школьников 1930-х годов, встраивались в официальный нарратив, появлялись в переложениях партийно-правительственных документов, проникали в художественные тексты и повторялись в речи самих пионеров. В результате к началу войны у целого поколения было сформировано четкое представление о том, с кем и за что они борются и что может случиться, если они позволят себе проиграть эту войну. На примере материалов журнала «Пионер» 1932–1941 годов можно наблюдать, как детская пресса воспитывает своего читателя, сознание и мировоззрение которого только формировалось, готовит молодое поколение к возмож-

ной войне со странами капиталистического мира.

Пионерские журналы 1930-х годов недостаточно изучены. Исследователи в основном обращают внимание на их связь с предыдущими традициями и практиками, подчеркивая преемственность между дореволюционными и послереволюционными журналами. Тематика диссертаций и книг, посвященных пионерским журналам, обычно ограничивается началом 1930-х годов, не включая в себя события, происходившие во второй половине десятилетия, и концентрируясь на становлении советской детской периодики. Данная статья пополняет наши представления о советской детской периодике, помогая понять причины бесстрашия и силы молодого поколения бойцов на полях Великой Отечественной войны.

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет, —
Как один человек, весь советский народ
За любимую Родину встанет.

Василий Лебедев-Кумач, 1938

ДЕСЯТИЛЕТИЕ перед войной отмечено усиленными темпами индустриализации, ужесточением террора и усилением цензуры. Однако именно в это время возникли новые культурные практики, связанные с формированием поколения молодых советских горожан, «массово читающей» публики. Активно развивалась наука, начинала складываться советская интеллигенция. Возникновение нового читателя было отчасти стихийным, отчасти — результатом государственной политики¹. Одним из проявлений этого процесса стало реформирование сферы детской публицистики. Наследие 1920-х годов удобрило почву и наметило основные цели детской журналистики: подготовка «нового человека» к трудностям жизни, определение и выявление скрытого и явного врага, точная настройка масс на исполнение устремлений советского государства (индустриализация, «смычка города и деревни», строительство колхозов и т. д.).

Проблема детского образования была одной из первоочередных в СССР. Новая власть считала, что забота о детях, их политической и идеологической подготовке — одна из наиболее важных задач молодого советского государства: от того, насколько прочно дети усвоят идеологию коммунизма и будут ей следовать, зависело будущее СССР. В связи с этим пропаганда с помощью медиа (журналов, детской литературы, кино, игр и т. д.) велась сразу в нескольких направлениях, с опорой на авторитет классических и современных детских произведений — с целью легитимации, подтверждения правильности идеологического курса Советского Союза. Основной механизм воздействия на новое поколение детей был заложен в 1920-е годы, что позволило в дальнейшем только вносить в него коррективы.

1. См.: *Глуценко И.* Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Советская власть 1920-х годов, конструируя модель «нового человека», полагала, что дети должны мыслить себя частью государства, быть «глиной в руках ваятелей», противостоять прошлому, апеллируя к усвоенному коммунистическому мышлению, и стать частью общества «светлого будущего» и победившего коммунизма. На школьные кружки, книги, журналы, библиотеки ложилась основная ответственность за образование и досуг детей.

Зарождение детского журнала в СССР традиционно связывают с изданием Максима Горького «Северное сияние», выпускавшимся в 1919–1920 годах и закрывшимся из-за недостатка бумаги в стране. Его главными особенностями, которые затем позаимствовали другие журналы, были, во-первых, привлечение профессиональных литераторов, ученых и хороших художников, которые вместе вырабатывали у учащихся привычку к чтению; во-вторых, обращение к детям как к полноправным членам общества, о чем говорится в первой статье первого выпуска «Слово к взрослым»:

В предлагаемом журнале мы — по мере сил наших — будем стремиться воспитывать в детях дух активности, интерес и уважение к силе разума, к поискам науки, к великой задаче искусства — сделать человека сильным и красивым².

Другим важным изданием, повлиявшим на формирование советской периодики для детей, стал журнал «Красные зори», который наладил обратную связь с читателями с помощью публикации писем на своих страницах. Более поздние журналы выстраивали свои концепции, обращаясь к тем же традициям: некоторые («Воробей», «Новый Робинзон», «Чиж», «Еж») были ориентированы на художественную литературу, рассказы о науке, путешествиях и географических открытиях, другие делали больший упор на политпросвещение («Пионер» в начале становления). Однако главная их задача осталась общей: создание журнала для детей с профессиональными литераторами и специалистами в качестве авторов, который разработал бы для своей аудитории язык общения. Журнальные статьи должны были воспитывать в читателе любовь к литературе, науке, труду, формировали бы нужные моральные установки и подготавливали их к дальнейшей судьбе.

Основными темами, которые поднимались в детских журналах 1920-х годов, были революция и Гражданская война, социали-

2. Горький М. Слово к взрослым. [О задачах журнала для детей] // Северное сияние. 1919. № 1–2. С. 6–7.

стическое строительство, жизнь пионеров, трудовые будни детей и взрослых. Тема революции и войны появлялась в произведениях и статьях в качестве ресурса культурной памяти, что позволяло включать ребенка, пусть даже не заставшего тех событий, в контекст проходящей у него на глазах советской истории. Через реальные и выдуманные фигуры, через жизненные сюжеты, которые пересказывались родителями или вспоминались самими детьми, журналы и советская печать в целом формировали ценности, которыми должны обладать дети: это смекалка, упорство, верность, трудолюбие, честность, позитивный настрой и оптимистический взгляд в будущее.

«Пионер»: от наивной беллетристики к зрелой литературе

Центральным органом детской печати в СССР к 1930-м годам стал журнал «Пионер». Он был далеко не единственным изданием подобного рода, но качественно отличался как от «Пионерской правды», которая выходила в газетном формате, так и от других детских журналов, не имевших столь высокого официального статуса. «Пионер» должен был соединить нормативно-идеологическую функцию с литературно-познавательными задачами, оставаясь при этом интересным и доступным для школьников. Условно его развитие можно разделить на три периода по мере усиления идеологического контроля над его содержанием. С момента возникновения он выпускался под руководством ЦК ВКП(б) и потому считался наиболее идеологически верным. Однако к началу 1930-х годов ситуация изменилась, и «Пионер» навлек на себя обвинения в троцкизме, а также в пропаганде «теории отмирания школы», которую сочли антимарксистской и «вульгарно-социологической». Обвиняли журнал и в том, что он отказывается печатать литературу в духе социалистического реализма. Эти оценки воспроизводились и последующими советскими исследователями, например Инесой Тимофеевой:

Отказ от реалистических принципов обобщения, типизации, полное пренебрежение к возрастным особенностям детей обусловили низкий идейный и художественный уровень журнала этих лет³.

3. Тимофеева И. Н. Роль журнала «Пионер» в развитии советской детской литературы (1924–1932 годы): дисс. ... канд. пед. наук. Л., 1954. С. 14.

Критика этого периода в истории журнала «Пионер» прослеживается и в работе Надежды Исаковой «Советские пионерские журналы тридцатых годов»:

Формализм, бездушие, барабанная трескотня, утомляющая своим однообразием, ставка на все понимающего, политически образованного читателя, совершенное забвение детской психологии — вот что характерно для большинства материалов этого периода⁴.

Ситуация изменилась после череды реформ, которые соответствовали общему направлению перемен, происходивших в СССР. С точки зрения официальных идеологов, эти меры снова сделали журнал популярным, вернули в русло марксистской идеологии и уничтожили «троцкистские следы». Тимофеева в своей диссертации упоминает эти документы: постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года, «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 года, «О работе пионерской организации» от 21 апреля 1932 года, «О перегрузке школьников и пионеров общественно-политическими заданиями» от 23 апреля 1934 года.

Хотя обычно партийное вмешательство в дела литературы не ассоциируется с положительными творческими результатами, случай «Пионера» можно считать счастливым исключением. Новый период в истории журнала начался во второй половине 1933 года, когда ответственным редактором стал писатель Бенямин Ивантер. Как раз вокруг «Пионера» собрались Аркадий Гайдар, Константин Паустовский, Рувим Фраерман, Лев Кассиль, Корней Чуковский, Сергей Григорьев, Самуил Маршак, Николай Асеев, Сергей Михалков, Александр Введенский.

В ночь с 31 декабря 1935 на 1 января 1936 года тираж «Пионера» увеличился в пять раз. Исследователи считают это началом третьего периода в истории журнала⁵. Отличительной его чертой становится разнообразие рубрик, среди которых — «Известия географического общества „Компас“», «Научный телеграф», «Почта», «Рассказы орденоносцев», «Спорт», «Самodelки», «Задачи, загадки, игры и фокусы». В этих разделах пионерам стремились дать как можно больше знаний относительно предметов, входивших

4. Исакова Н. Советские пионерские журналы тридцатых годов: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1972. С. 6.

5. Там же.

в школьную программу или считавшихся важными для современного ребенка.

Дополнительным фактором, который позволяет говорить о влиянии журнала на массового молодого читателя, является его распространение по школам, библиотекам, кружкам, не говоря о том, что журнал можно было купить в киосках. Журнал читали в классах, дома, в библиотеке, с друзьями, в одиночестве — такой вид публицистических изданий, к концу 1930-х годов все больше напоминавший альманахи, имел практически ничем не ограниченное влияние на детей.

За десятилетие, по мнению Исаковой, «Пионер» прошел путь от тематически бедной беллетристики к развитой художественной прозе и поэзии. Начиная со второй половины 1930-х годов журнал экспериментирует с форматом: появляются рассказы с продолжением, редакция ищет новые формы коммуникации с читателями, начинают печататься русские и зарубежные классики литературы, сказки народов мира. Обязательным компонентом журнала стали статьи, рассказывающие о научных проблемах и о современных способах их решения, а также материалы по природоведению.

Война как неизбежность

Начиная разговор о том, в каких аспектах предчувствие войны влияло на воспитание школьников, следует изложить ряд причин, по которым советские дети оказались подготовлены к войне.

Одной из самых главных таких предпосылок стал культ героя Гражданской войны. Ребята 1920–1930-х годов испытывали страшную зависть по отношению к бойцам, которым посчастливилось воевать против белых и «зеленых» за счастливое будущее советского государства, по отношению к поколению своих отцов.

Один из друзей поэта Михаила Кульчицкого, погибшего в 1943 году, вспоминал:

Кроме стихотворений Кульчицкого у меня сохранилось характерное для него письмо... В конце письма нарисован — как бы вместо подписи — красноармеец в шлеме времен гражданской войны...⁶

6. Рассадин С., Сарнов Б. Рассказы о литературе. М.: Детская литература, 1977. Гл. «Если завтра война».

Эти бойцы в буденовках вызывали у молодых людей восхищение и стремление уподобиться им. В 1957 году это настроение задним числом опишет поэт Ярослав Смеляков:

В то время встречались не только в столице,
Вздыхали в десятках ячеек страны
Те юноши, что опоздали родиться
К тачанкам и трубам гражданской войны.

Советская публицистика и официальная культура всячески поддерживали эту тенденцию. Детям предлагались книги, кинофильмы и журналы, посвященные подвигам их выдуманных ровесников, которые, несмотря на юный возраст, руководили отрядами и выигрывали битвы. Здесь использовались два приема воздействия на психологию ребенка: во-первых, детям нравится, что герои для подражания — их одногодки; во-вторых, они любят истории со счастливым концом. Для детей важно, чтобы битвы, в которых принимали участие их любимые книжные и киногерои, завершались победой. Произведения, которые апеллировали к обоим этим факторам, прививали пионерам бесстрашие, уверенность в успехе. К этой категории относятся, например, «Красные дьяволята» (повесть Павла Бляхина «Красные дьяволята» была написана в 1921 году, первая экранизация — черно-белый немой фильм, поставленный режиссером Иваном Перестяни в 1923 году на Тбилисской киностудии «Киносекция НАРКОМПРОС Грузии»).

Этим героям не страшно на поле боя, им все дается легко; они сразу видят, кто друг, а кто враг. Книги такого типа были не бесполезны, но вместе с тем внушали детям неоправданную, в условиях постоянной подготовки СССР к войне, уверенность в легкой победе и триумфе, который может быть достигнут «малой кровью». Поэтому вскоре подобные книги стали считаться «псевдоромантическими» и не рекомендовались к прочтению. Другие же произведения с главными героями — детьми и молодыми людьми зачастую делали акцент на то, чтобы рассказать и передать (если у авторов был такой опыт) воспоминания и навыки, которые могли бы пригодиться детям на войне.

Важно отметить, что поверхностно-оптимистическое представление о будущей войне как череде легких побед Красной армии существовало не только в художественной литературе, но и вообще было свойственно советской публицистике 1930-х годов. Популяризатор военных знаний Олег Дрожжин, автор из-

вестной книги «Удар и защита», адресованной юным читателям и вышедшей в 1939 году, писал:

И если мировой фашизм посмеет напасть на первое в мире государство рабочих и крестьян, то на удар врага Красная армия ответит во много раз более мощным ударом. Красная армия ринется на противника и по воздуху, и по земле, и по воде, и под воду.

Бесчисленные советские танки, ведомые отважными бойцами, хлынут на землю врага страшным, все сокрушающим ураганом огня и стали!

Они покажут всему миру, что значит советский удар по врагу!

Они покажут всему миру, что значит защита советских границ!⁷

Тем не менее существовали авторы, стремившиеся обучить детей болезненному опыту войны на примере героев, которые, будучи их сверстниками, проходили бы невыносимые испытания и определяли себя в них. Эти писатели обращались к детской аудитории, иногда как будто забывая, что их читатель — ребенок.

Одним из главных детских авторов, который писал на основе личного опыта, а потому старался максимально полно и четко объяснить ситуацию, которая царит на поле битвы, чтобы у детей не сложилось смертельных иллюзий, был Аркадий Гайдар.

Его произведения, как правило, печатались в тех или иных пионерских журналах, прежде чем выходили в качестве отдельной книги или сборника. Так, например, переходная в его художественной биографии повесть «Школа» была опубликована в журнале «Октябрь» в 1929 году (№ 4–7), повесть «Военная тайна» — в «Пионере» за 1934 год (№ 5–6), рассказ «Дым в лесу» впервые напечатан в журнале «Пионер» за 1939 год (№ 2). Да и сам Аркадий Гайдар пользовался огромной популярностью у детей, поскольку представлял собой живую иллюстрацию к великой мечте всех советских пионеров: к 15 годам он был уже адъютантом и командиром роты, а в 17 лет стал командиром 58-го полка особого назначения.

В повести Гайдара «Школа» главный герой Борис Гориков получает в течение войн (Первой мировой и Гражданской) несколько жизненных уроков. Во-первых, его (а вместе с ним и читателей повести) учат не доверять безраздельно людям, которые кажутся добрыми. Во-вторых, не считать, что война — это игра:

7. Дрожжин О. Удар и защита. Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. С. 128.

Мальчик... если ты думаешь, что война — это вроде игры али прогулки по красивым местам, то лучше уходи обратно домой! Белый — это есть белый, и нет между нами никакой средней линии. Они нас стреляют — и мы их жалеть не будем!

В-третьих, его учат помнить, что любая его ошибка может привести к смерти близких и друзей (повод для начала рефлексии над своими поступками). В-четвертых, очертить круг абсолютных приоритетов, наподобие кодекса чести, которым обязательно нужно следовать. В-пятых, герой и читатели учатся умению находить и обезвреживать врагов. Последнее являлось наиважнейшей частью воспитания, по мнению Гайдара, поскольку было одной из самых сложных задач: автор постепенно отходит от модели «красный солдат — свой и может помочь, любой другой персонаж — шпион и враг государства» (что являлось прямым отклонением от советской политической риторики, которая предлагала разделять людей на врагов и друзей на основе идеологической ангажированности, о чем говорят публикации в журналах «Мурзилка» и «Дружные ребята»). Гайдар концентрирует внимание читателей на том, что надо присматриваться ко всем действующим лицам, искать скрытого врага, который только притворяется «нашим». Наконец, писатель призывает выработать своеобразную отчужденность, отстраненность от приобретенного травматического опыта — не зря он пишет в «Военной тайне» (1934) о том, что гибель друга к концу дня немного забывается, трансформируясь в жизненный опыт. Гайдар настаивает, что, ориентируясь на драматический опыт героев книг, читатель сознательно усваивает модели поведения, необходимые в условиях войны, и таким образом оказывается подготовленным к испытаниям. Через художественную литературу, примеряя на себя маску главного героя, как это любят делать дети, читатель непосредственно переживает и все уроки, злоключения и трагедии этого персонажа.

Аркадий Гайдар чувствовал приближение войны и писал свои тексты как предупреждение, предостережение и напутствие молодому поколению. О том, что тема наступающей войны интересовала его, можно судить по дневниковым записям. 1 апреля 1940 года он пишет: «С Финляндией... война окончена». 14 июня: «Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну». Запись от 29 июля: «Давно уже Франция разбита. СССР — это уже Бессарабия, Литва, Латвия, Эстония». 20 ноября: «На земле тревожно. Греки неожиданно теснят

в Албании итальянцев»⁸. В каждой повести, рассказе Гайдар упоминает о том, что где-то сейчас идет война и что она в итоге должна будет дойти и до СССР.

Героическое прошлое

Гражданская война не была единственным историческим опытом, на который ориентировались писатели и редакторы журналов. Важной задачей для них выступало соединение истории СССР с историей прошлых боевых побед и успехов дореволюционной России. Апелляция к победам и поражениям Российской империи в войнах стала возможной благодаря постепенному обращению к имперскому дискурсу, что связано с созданием временной дистанции, с которой вся мировая и отечественная история делится на до и после 1917 года. При этом деятели Российской империи или другие герои прошлого уже необязательно должны были оцениваться с точки зрения их классовой принадлежности. Удачливые правители или полководцы прошлого уже не воспринимаются как представители враждебного класса.

Иллюстрацией к этой тенденции выступает рассказ «Полтава», в котором описываются события Северной войны и становление российской армии под началом Петра I. Примечательно, что его фигура никак не принижается; наоборот, он предстает в виде правителя, который близок к народу и потому понимает его настроения и желания («Он сам рубил бревна, подставлял катки, не давал фрегатам крениться. Ночевал с командирами в землянках, а ел у костров вместе с солдатами»⁹), умного полководца («Тогда Петр отдал решительный приказ: главным силам кавалерии отступить вправо, но при этом „крепко смотреть“, чтобы враг не мог загнать ее в лошину, то есть прижать к горе. Маневр оказался для противника губительным»¹⁰) и реформатора, который создал первую регулярную и боеспособную армию («После битвы под Нарвой Карл, считая Петра неопасным противником, бросил все свои силы на борьбу с Саксонией и Польшей. А „неопасный противник“ не терял ни дня, ни часа. И русская армия за короткий срок стала втрое сильнее»¹¹). Помимо этого подробного экскурса в историю удач и поражений русской армии под предводительством

8. Гайдар А. Из писем и дневников. М.: Детская литература, 1972. С. 9.

9. Шторм Г. Полтава // Пионер. 1939. № 6. С. 38.

10. Там же. С. 45.

11. Там же. С. 37.

Петра I (рассказ, освещающий хронику событий Северной войны, занимает 15 страниц, что заслуживает особого внимания, так как обычно большие рассказы были основаны на художественном вымысле), в другом номере журнала «Пионер», в разделе «Почта», встречается упоминание Петра I и его вклада в перевооружение России в виде постройки завода по отливке пушек.

Наконец, говоря о факторах, повлиявших на психологическую подготовленность детей к войне, следует упомянуть периодически появлявшиеся рассказы о Великой французской революции, войне 1812 года (при этом акцент делается на победах и удачных стратегических решениях Наполеона), Русско-японской войне 1904–1905 годов и некоторых других. Такие рассказы в основном работают с двумя видами нарративов: во-первых, они актуализируют опыт других стран в отношении революции (например, в рассказе о Великой французской революции проводится очевидная параллель между событиями во Франции и России); во-вторых, рассказывают о военных неудачах России. Читатель должен был понимать, что в Советском Союзе, в отличие от царской России, все по-другому. Новое государство учится на ошибках старое и не допустит подобных поражений в будущем.

Все перечисленные типы произведений знакомили детей с историей России, СССР и мировой историей, приобщая их к культурной памяти государства и формируя в них определенные симпатии и антипатии к героям рассказов, которые зачастую действовали в рамках концепций «свой — чужой», «герой-комсомолец (или пионер) и внутренний/внешний враг». При этом стоит отметить, что прошлые враги, такие как Наполеон или Карл XII, репрезентировались с меньшей долей уничтожения, чем современные враги СССР. Тем самым читателю давали понять, что страна именно сейчас сталкивается с беспрецедентными угрозами, ради борьбы с которыми нужно мобилизовать все силы¹².

Испания

В 1930-е годы выделяются две основные темы, которые переходят из номера в номер: это индустриализация и пятилетки, с одной

12. «Теперь фашизм пошел еще дальше. Сейчас в Венгрии введена смертная казнь для детей, обвиненных в помощи „бунтовщикам“. Так в самом центре европейской „демократии“ и „цивилизации“, как в годы Средневековья, будут убивать, резать, вешать, расстреливать детей только за то, что они не хотят быть рабами» (*Лебедев Д.* Поколение обреченных // *Пионер*. 1932. № 2. С. 12).

стороны, и сюжеты о жизни за рубежом, в большинстве случаев соединяющиеся с военным нарративом, который постепенно становится главенствующим в журнале. Например, в начале 1932 года акцент делался на угнетении рабочих и детей в капиталистических странах, создании невыносимых условий для жизни и труда:

Едва выйдя из этого ада, дети сразу же попадают под наблюдение фашистских надсмотрщиков, которые обрабатывают их по-своему и приучают их умирать за «дуче» — фашистского вождя Муссолини¹³.

А с середины 1930-х годов с большей тщательностью прорабатываются другие темы: засилье шпионов и предателей в СССР, скорое начало новой империалистической войны и мужество испанских солдат, борющихся против фашистов.

«Пионер» позиционировал гражданскую войну в Испании как Третью империалистическую или по крайней мере как непосредственную предпосылку для начала столкновения между капиталистическими странами. В журнале печатаются обращения испанских коммунистов, письма солдатских детей своим родителям, рассказы о мужестве испанских солдат и подлости фашистов и мятежников, пытающихся свергнуть республиканский режим. «Пионер» организовал переписку между советскими школьниками и солдатом Жоржем Дрейфусом, воюющим на испанском фронте. С помощью такой переписки дети словно становились участниками гражданской войны. Школьница Калерия Веселова пишет:

Дорогой товарищ Дрейфус! Вы говорите, что вам никто не пишет, вот я и хочу послать вам письмо. Я давно хотела послать привет героям-республиканцам, но не знала, как это сделать...

Я каждый день читаю в газетах про Испанию. С радостью я читаю строчки, в которых говорится о храбрости республиканских летчиков, о новых победах над мятежниками. Когда я узнаю о зверствах подлых врагов народа — фашистов, — у меня навертываются слезы. Хочется быть там, на фронте, вместе с республиканцами, хочется убивать этих бешеных псов, защищать свободу. Я горячо люблю испанский народ! Не знаю, как передать это. Хоть нас разделяют десятки сотен километров, но мысленно я всегда там. Если бы я была в Испании, то пошла бы на фронт.

13. *Он же*. В северных подземельях Калабрии // Пионер. 1932. № 2. С. 12.

Я хорошо стреляю, владею противогазом, могу перевязывать раны, умею маскироваться и различать газы¹⁴.

Война в Испании рассматривалась прежде всего как война идеологическая, как столкновение прогрессивных сил, ведущую роль среди которых играл Советский Союз, с фашизмом.

Примером является произведение Андрея Некрасова «Советский флаг», рассказывающее о столкновении испанских фашистов с советскими моряками. В нем советские матросы предстают в амплуа добросердечных и сочувствующих несчастьям испанцев людей, готовых накормить и обогреть врагов, а заодно и распространить среди них уверенность в том, что коммунистическая идеология в конечном итоге победит, так как один лишь советский корабль смог внести смуту в портовый город, в котором им пришлось по приказу врага остановиться.

Часовые спускались в столовую поодиночке, с опаской оглядываясь по сторонам, потом осмелели, накинулись на хлеб и на борщ, согрелись, развеселились и скоро дошли до того, что вместе с караульным начальником стали показывать на портреты, висевшие над столами, и вслух говорили: «Сталин, Ленин, Ворошилов».

А новенькие немецкие винтовки мирно стояли в углу, под октябрьским номером стенгазеты, и, расходясь из столовой, часовые брали винтовки наизготовку и показывали: вот как они будут стрелять в Муссолини и в Франко. <...>

Дошло уже до того, что некоторые часовые по-военному салютовали нашему флагу, но так, конечно, чтобы не видел никто из своих. У фашистов салют красному флагу — опасное дело, за это можно остаться без головы.

Наконец, фашисты не выдержали. Прислали лоцмана, убрали часовых и объявили, что судно свободно. Уходя, часовые жали руки матросам и тихонько шептали: «Вива Русия!»¹⁵

Такие произведения стремились оправдать противников, которым, с точки зрения писателей и читателей, не повезло родиться в стране, чье правительство не может сопротивляться давлению извне; поэтому им приходится быть подчиненными власти, с политикой и действиями которой они не согласны.

14. *Веселова К.* Привет из СССР. Письмо Калерии Веселовой // *Пионер*. 1937. № 5. С. 112.

15. *Некрасов А.* Советский флаг // *Пионер*. 1937. № 3. С. 76–80.

Внутренний враг

В период 1935–1938 годов в журнале акцентируется в первую очередь тема «внутренних врагов» — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев. Соответствующие статьи формируют впечатление о том, что страну со всех сторон окружают враги, с которыми необходимо безжалостно бороться, чтобы они вместе со своими «хозяевами» не сделали первый шаг и не начали разваливать страну изнутри.

Мировой капитализм рисуется не просто враждебной системой, а источником внутренних угроз для СССР. Соответственно, внутренние противники режима (реальные или мнимые) являются не просто оппонентами партийной линии, а наймитами международного капитала:

А больше всего ненавистна им страна социализма, где уничтожены эксплуататорские классы, где у власти рабочий класс, где все нации равны, где наука свободна. Против этой страны, против нашей родины в самую первую очередь готовят фашисты войну, к нам они засылают больше всего шпионов, вредителей, диверсантов и троцкистских бандитов¹⁶.

Таким образом, если испанские солдаты, служащие в армии Франко, могут рассматриваться, скорее, как жертвы порочной системы, вызывая жалость читателя, то враждебные элементы, разоблаченные внутри самой советской страны, ни жалости, ни сочувствия вызывать не могут.

Девятый номер журнала «Пионер» за 1936 год открывается статьей, где Троцкий, Зиновьев и Каменев, а также троцкисты и бухаринцы представлены как убийцы Кирова, предатели родины. Их сравнивают с дикими зверями, «иудами».

«Убить Сталина», — сказал Троцкий за границей. «Убить Сталина, — повторили за ним Зиновьев и Каменев, — убить Кирова, и Орджоникидзе, Ворошилова, и Кагановича, и Микояна, и Постышева, и всех, кто руководит партией, кто ведет страну к победам». <...> Но страна сказала: «Довольно. Они должны быть уничтожены», — и приговор был приведен в испол-

16. Быховский А. М. Существуют ли высшие и низшие человеческие расы? // Пионер. 1937. № 3. С. 64.

нение. Ребята, и вы вместе со всей страной выступали свидетелями на этом суде¹⁷.

Статья открыто призывает к ненависти по отношению к бывшим соратникам по партии, даже если они входили в окружение Ленина, и заканчивается призывом: «Живой стеной станем вокруг нашего учителя и вождя товарища Сталина — и никакому врагу не пробиться сквозь нее!»

Если при описании внутренних врагов, как правило, умалчивалось то, против чего они выступают и борются, а их предательство объяснялось продажностью (куплены фашистами или империалистами), то в случае с внешним врагом все было гораздо определеннее.

Внешние враги зачастую позиционировались как отдаленная угроза, к которой надо быть готовым, но в то же время эта угроза выступала в качестве фона для понимания происходящего. Поэтому на протяжении десятилетия они остаются практически неизменными.

Стоит разделить категорию внешних врагов на две группы: классовых врагов, которые позиционировались в качестве основных с начала образования СССР и до его краха, и врагов, привязанных к конкретным странам, что объяснялось не только их отношением к «чужим», но и предвоенной напряженностью в отношениях.

Внешний враг

Традиционно СССР считал своими основными внешними врагами мировую буржуазию, империализм и западные страны. Претензии СССР, как можно заключить из печатавшихся в детских журналах статей, строились по нескольким линиям. Во-первых, имперские страны репрезентировались в качестве угнетателей рабочего класса, которые не стремятся обеспечивать нормальные условия для труда и заработную плату. Во-вторых, нередко встречается фигура «буржуя», который ради своей выгоды и выгоды компании разлучает семью, изматывает детей на работе, давая им столь же тяжелую работу, что и взрослым¹⁸. Иными словами, дан-

17. Змея раздавлена // Пионер. 1936. № 9. С. 4–5.

18. «Есть, конечно, закон о сокращении рабочего дня, есть фабричная инспекция, но это все только смешные игрушки „демократии“, а когда делегация молодежи пришла к министру требовать, чтобы исполнялся закон о ше-

ный тип вырабатывает у юных читателей ненависть к классовому врагу и вызывает благодарность и чувство гордости по отношению к СССР и чувство жалости к своим сверстникам, которым не посчастливилось жить в советском государстве. В-третьих, в СССР одними из важнейших качеств, которые прививались детям с детства, были честность и верность, поэтому капиталистические страны, будучи антиподами СССР, наделялись прямо противоположными качествами; в их число входили, например, стремление обладать новыми территориями, жадность, вероломство, причем в вину этим странам вменялся обман не только противников, но и союзников¹⁹.

Другими противниками, по отношению к которым работал усиленный образ «классового врага», выражающийся в упоре на связи с буржуазией и империалистической военной традицией, стали формирующиеся «страны оси», куда входили Италия, Япония, Германия, а также ряд других государств, в которых верховные посты занимали политики, поддерживавшие, добровольно или под давлением, идеологию нацизма или фашизма.

История отношений между СССР и Третьим рейхом на протяжении всех 1930-х годов отличалась крайней нестабильностью по причине отсутствия взаимных договоров, которые могли бы выступать гарантами ненападения одной стороны на другую, все более расходящихся идеологий, постепенно перераставших в противостояние сталинизма и нацизма, а также принадлежности к противоположным лагерям: СССР считал Третий рейх «капиталистической страной», а Третий рейх считал СССР варварской страной, не принадлежащей к европейской культуре и к тому же руководимой евреями, что сразу же ставило вопрос о том, сколько продержится такое государство.

Неоднозначная ситуация во внешней политике определяла вариации при конструировании образа врага, которые выражали неуверенность (в первую очередь партийного руководства и Сталина) в том, как нужно изображать этого врага. С одной стороны,

стичасовом рабочем дне, он захохотал и спросил у нее: „Разве такие дурацкие законы еще существуют?“» (*Лебедев Д.* Поколение обреченных. С. 12).

19. «Можно вспомнить историю. В 1914 году, когда началась мировая война, Италия была союзницей Германии. Все ожидали, что вот-вот она вступит в войну на стороне Германии. А она неожиданно выступила на стороне ее врагов. Но если капиталистические страны так относятся друг к другу, то сколько козней должны они готовить против страны социализма?!» (Зорче, товарищи! // *Пионер*. 1937. № 5. С. 5).

он обладает большими амбициями в отношении своей внешней политики, и в его культуре закреплён стереотип русских как варваров и «недолюдей». С другой стороны, Великобритания и Франция сначала медлили с подписанием соглашений против Третьего рейха, а потом подписали декларации о ненападении, что заставило Сталина изменить свои планы относительно Германии и выступить на XVIII съезде ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года с речью, направленной против несостоявшихся союзников:

Англия, Франция и США, против которых в конечном счёте ведётся эта война, пытаются сторговаться с захватчиками, пытаются отвести их мечи от своих владений. Пусть Япония впутается в войну с Китаем, думают они, пусть Германия ввяжется в войну с СССР, а потом, когда они ослабеют в результате войны, мы выйдем на сцену и продиктуем свои условия²⁰.

Долгое время советская пропаганда не могла подобрать для изображения нового врага правильный образ, который бы основывался либо на дореволюционном, либо на недавнем прошлом. Противоречия между немецким фашизмом и сталинизмом появились после прихода Адольфа Гитлера к власти в 1933 году.

Для иллюстрации отношений между СССР и Третьим рейхом можно привести фрагменты статьи, опубликованной в третьем номере журнала «Пионер» за 1937 год, «Существуют ли высшие и низшие человеческие расы». Эта статья стала своеобразным манифестом против нацизма, в уничижительной и саркастичной манере объяснившим, почему точка зрения нацистов является ошибочной, лженаучной и опасной для Советского Союза:

Кто лучше и умнее: немцы или англичане, русские или евреи, грузины или итальянцы, индейцы или французы?

<...>

Какой народ лучше и какой хуже — глупый и нелепый вопрос!

Но есть сейчас страна, где этот вопрос разбирается всерьёз и где выдумана даже целая «наука»... о высших и низших людях! Эта страна — фашистская Германия.

<...>

Фашисты — самые зверские враги рабочего класса. Они больше всего заинтересованы в том, чтобы посеять рознь среди рабочих

20. Злой М. и др. Письмо со съезда // Пионер. 1939. № 3. С. 6.

разных стран, поэтому им и выгодна гнусная выдумка про «высшие и низшие» расы, которую они называют наукой.

Натравить рабочих и всех трудящихся разных стран друг на друга, уничтожить их, отравить их газами, расстрелять их пулеметами, заставить их умирать за интересы «своей» буржуазии — вот чего хотят фашисты, зачинщики и поджигатели новой мировой войны²¹.

Японский милитаризм

Япония — другая будущая участница союза стран «оси» — до 1938 года появляется в детской периодике только в связи с Русско-японской войной 1904–1905 годов. Но после Хасанских боев 1938 года она становится одной из главных стран, которые используются писателями для создания образа врага с Востока. Особенное внимание ей уделяется в 1938 году, во время конфликта, и в 1939 году, когда готовится и затем реализуется пакт Молотова — Риббентропа, в результате чего Япония занимает место одного из основных врагов СССР, а Германия на какое-то время перестает появляться в номерах журнала в качестве основного агрессора.

В третьем выпуске журнала «Пионер» за 1939 год опубликована реакция на выступление Сталина на XVIII съезде ВКП(б), которое получило название «Речь о жареных каштанах», а также статья «Урок у озера Хасан», написанная И. С. Кондрашиным, секретарем Никопольского горкома ВКП(б):

Мы, дальневосточники, живем в непосредственной близости к одному из очагов войны. Недалеко от нашей границы проходит один конец фашистской «оси». В августе прошлого года кое-какие сумасшедшие из числа японских вояк попытались было связаться с нами в драку, но наши доблестные бойцы быстро излечили их от припадка буйного помешательства²².

Таким образом, военные столкновения с японцами представлялись чем-то вроде досадных неприятностей. Японцы не выглядели серьезной угрозой, скорее, наоборот, к ним относились с презрительной снисходительностью.

21. Быховский А. М. Указ. соч.

22. Кондрашин И. С. Урок у озера Хасан // Пионер. 1939. № 3. С. 6.

Из выступлений делегатов мне очень понравилась речь делегата Хабаровского края тов. Донского. Он сказал, что у наших соседей на Востоке — у японцев — очень беспокойный нрав и плохая память. Сколько их наши красноармейцы ни учили уму-разуму, а они все не могут успокоиться. Но все их попытки захватить хоть кусочек советской территории кончаются крахом. Так оно было, так оно и будет. А если урок у озера Хасан их опять ничему не научил, то тем хуже для них²³.

Уверенность в непобедимости советских войск лишний раз подтверждалась успехами в столкновениях с японцами на Дальнем Востоке. Поэтому, когда известный популяризатор военного дела Олег Дрожжин предсказывал Советскому Союзу легкие победы в будущем, это звучало убедительно:

Красная армия готова отразить любого врага так же решительно, как она отбросила японских самураев, посягнувших на нашу границу у озера Хасан²⁴.

Обратная связь

Рубрика «Почта», благодаря которой выстраивалась обратная связь с читателями, была, как правило, гораздо менее идеологизирована. В большинстве своем дети писали о волнующих их лично вещах: споре в классе, несправедливом отношении, природе, родителях. Только к концу десятилетия начинают более или менее регулярно появляться письма другого содержания:

Мне эта игра понравилась. Но это была только игра, а ведь нам придется воевать по-настоящему, и враги у нас — подлые и злые фашисты. И мы должны быть сильными и смелыми, чтобы победить их. Сейчас я сдаю нормы на значок юного ворошиловского стрелка. У меня будут 3 значка²⁵.

В другом письме группа членов кружка юных гранатометчиков пишет:

23. Там же. С. 10.

24. Дрожжин О. Указ. соч. С. 128.

25. Морозова Т. Военная игра // Пионер. 1939. № 2. С. 75.

Наш кружок гранатометчиков растет изо дня в день. Ребята стали бросать гранату далеко и метко. <...> Мы так увлеклись этим, что почти все свободное время тренировались в метании гранаты стоя, лежа, с колена и сидя на лошади. Мы советуем всем ребятам Советского Союза последовать нашему примеру²⁶.

К концу 1930-х годов дети уже были посредством художественных рассказов, воспоминаний военных, раздела о технических новинках морально подготовлены к тому, что им придется защищать родину ценой собственной крови.

Олег Дрожжин в своей книге «Удар и защита» окончательно сформулировал и закрепил это настроение:

Войны в Абиссинии, Испании и Китае — это первые взрывы новой мировой войны. Новая большая война будет еще страшней, еще кровопролитней, чем мировая война 1914–1918 годов²⁷.

Единственное, что остается пока неясным, это сроки начала войны:

Когда набросятся на нас капиталистические страны, мы не знаем. Но к этому нападению мы должны всегда быть готовы. И мы действительно готовы!²⁸

Заключение

В проанализированных текстах 1930-х годов самыми повторяющимися темами были война, индустриализация, поиск внутренних врагов (начиная с 1935–1936 годов) и разоблачение внешних врагов, которые дополнялись описаниями ужасов капиталистического мира. Направленность журнала на детскую аудиторию определяла методы, рассчитанные на детскую эмоциональную психику: главными жертвами фашистов/немецких фашистов/японцев были дети — сверстники читателей; сразу после описания чудовищных условий жизни в империалистическом мире шел текст, основное содержание которого заключалось в восхвалении ЦК ВКП(б), Сталина и партийного руководства, благодаря которым советские дети могут проживать счастливое и беззаботное дет-

26. Занегин М. Карманная артиллерия // Пионер. 1939. № 1. С. 72.

27. Дрожжин О. Указ. соч. С. 120.

28. Там же. С. 121.

ство. Однако часто к читателю обращались совсем не как к ребенку, и пионер начинал привыкать к мысли, что у него, как у взрослого, есть обязанности, которые необходимо выполнять. В этом ему могли помочь советы старших товарищей или признанных авторитетов, которые на страницах журнала делились с молодежью своим жизненным опытом.

Образ врага в журналах был представлен несколькими типами злодеев. Безусловно, существовала разница между врагом внешним и внутренним, причем последний был особенно опасен. Враг описывается через категории безобразного, отталкивающего, болезнетворного, но в то же время происходит дифференциация «мелкого зла» и демонизированного образа врага. Во всех рассказах советский герой одолевает врага в ходе противостояния, и победа подается как подвиг всего советского народа. Переживание чувства триумфа здесь — одна из главных целей рассказа наравне с подчеркиванием позитивных черт героя, народа или страны.

Насколько эффективной была эта пропаганда и насколько хорошо подготовила она подрастающее поколение к той войне, которая действительно началась в 1941 году? Похоже, что испытания войны не стали для этих молодых людей неожиданностью. Но легкомысленный оптимизм многих текстов и фильмов, обещавших быструю и легкую победу, сослужил дурную службу. Так, например, фильм «Если завтра война...»²⁹, который стал символом безответственной пропаганды, вспоминали с горечью и раздражением.

Однако были в журнале и совсем другие произведения. Здесь печатались Аркадий Гайдар, Рувим Фраерман, Соломон Гарбузов, Юрий Герман, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Вениамин Каверин. Многие авторы были военными, не профессиональными писателями.

Занимательной литературы, призванной сыграть на эмоциях детей и завлечь идеей войны, было больше, чем «правдивой литературы», хотя последняя была более выразительна и затрагивала более глубокие темы. Но как раз эта последняя, «правдивая» литература и подготовила советских подростков к войне, о чем напоминают Станислав Рассадин и Бенедикт Сарнов в книге «Рассказы о литературе»:

29. Фильм 1938 года, снят группой режиссеров под руководством Ефима Дзигана.

«Красным дьяволятам» не может быть страшно. Они щелкают врагов, как орешки. И вся их стремительная, легкая, сверкающая, как фейерверк, борьба, похожа на игру.

У Гайдара — совсем другое дело. «Ведь это уже всерьез!»

Война в этой книге вставала перед читателями суровой и страшной. Как «трудная работа». Трудная не только потому, что требует от человека огромного напряжения физических сил. И даже не только потому, что на войне убивают. Еще и потому, что на ней приходится убивать³⁰.

И без таких книг и статей, которые рассказывали бы непосредственно о реальном опыте военных действий, юные бойцы, пожары, не были бы настолько подготовлены к участию в предстоящих страшных испытаниях.

Библиография

- Быховский А. М. Существуют ли высшие и низшие человеческие расы? // Пионер. 1937. № 3.
- Веселова К. Привет из СССР. Письмо Калерии Веселовой // Пионер. 1937. № 5.
- Гайдар А. Из писем и дневников. М.: Детская литература, 1972.
- Глуценко И. Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- Горький М. Слово к взрослым. (О задачах журнала для детей) // Северное сияние. 1919. № 1–2.
- Дрожжин О. Удар и защита. Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939.
- Занегин М. Карманная артиллерия // Пионер. 1939. № 1.
- Злой М., Назаров Р., Мальцев А., Матвиенко И. Письмо со съезда // Пионер. 1939. № 3.
- Змея раздавлена // Пионер. 1936. № 9.
- Зорче, товарищи! // Пионер. 1937. № 5.
- Исакова Н. Советские пионерские журналы тридцатых годов: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1972.
- Кондрашин И. С. Урок у озера Хасан // Пионер. 1939. № 3.
- Лебедев Д. В северных подземельях Калабрии // Пионер. 1932. № 2.
- Лебедев Д. Поколение обреченных // Пионер. 1932. № 2.
- Морозова Т. Военная игра // Пионер. 1939. № 2.
- Некрасов А. Советский флаг // Пионер. 1937. № 3. С. 76–80.
- Рассадин С., Сарнов Б. Рассказы о литературе. М.: Детская литература, 1977.
- Тимофеева И. Н. Роль журнала «Пионер» в развитии советской детской литературы (1924–1932 годы): дисс. ... канд. пед. наук. Л., 1954.
- Шторм Г. Полтава // Пионер. 1939. № 6.

30. Рассадина С., Сарнов Б. Указ. соч. С. 280.

“IF WAR BREAKS OUT TOMORROW...” PREPARING FOR WAR AS AN
ELEMENT OF EDUCATING SCHOOLCHILDREN IN THE 1930S
(BASED ON MATERIAL FROM THE “PIONEER” MAGAZINE)

MARIA NAUMOVA. Student, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities,
naumova.maria@gmail.com.

National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya
Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: “Pioneer”; Soviet pupils; war; image of the enemy; fascism; 1930s.

The article is devoted to the analysis of different aspects of representation of past and future wars, as well as the portrayal of the enemies in the “Pioneer” magazine. In the 1930s, these subjects and images became an important element of Soviet education, forming the official narrative. They were repeated in the summaries of party and state documents presented to the readers. Furthermore, they invaded works of fiction and the speech patterns of the pioneers themselves. As a result of this — by the time the war started — a whole generation acquired an understanding of what they were fighting for, who the enemy was and what was at stake. Using materials from the “Pioneer” magazine from 1932–1941, one can see how publications aimed at children were educating their readers, forming their consciousness, and preparing the youth to fight a war with the capitalist states.

Magazines published for Soviet pioneers in the 1930s have not yet been researched to a satisfactory degree. Researchers usually focus their attention on the continuity vis-a-vis previous traditions and practices, pointing to trends that were common for pre-revolutionary and post-revolutionary publications. These studies are usually limited to the period of the early 1930s and do not cover events of the second half of that decade, putting emphasis on the formation of the pioneer press instead. This article is broadening our view of Soviet press for children, helping to better understand the causes of heroic behavior of the young generation mobilized to defend their country during the Great Patriotic War.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-163-184

References

- Bykhovskii A. M. Sushchestvuiut li vysshie i nizshie chelovecheskie rasy? [Are There Highest and Lowest Human Races?]. *Pioner* [Pioneer], 1937, no. 3.
- Drozzhin O. *Udar i zashchita* [Strike and Defense], Leningrad, Detizdat TsK VLKSM, 1939.
- Gaidar A. *Iz pisem i dnevnikov* [From Letters and Diaries], Moscow, Detskaia literatura, 1972.
- Gluschenko I. *Barabanshchiki i shpiony. Marsel'eza Arkadiia Gaidara* [The Drummers and Spies. The Marseillaise of Arkady Gaidar], Moscow, HSE, 2015.
- Gorky M. Slovo k vzroslym. (O zadachakh zhurnala dlia detei) [Word to Adults. (On Tasks of Magazine for Children)]. *Severnoe siianie* [North Light], 1919, no. 1–2.
- Isakova N. Sovetskie pionerskie zhurnaly tridsatykh godov [Soviet Pioneer Magazines in 1930s]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Candidate degree in Philology. Petrozavodsk, 1972.
- Kondrashin I. S. Urok u ozera Khasan [Lesson Near Lake Hassan]. *Pioner* [Pioneer], 1939, no. 3.

- Lebedev D. Pokolenie obrechennykh [Doom Generation]. *Pioner* [Pioneer], 1932, no. 2.
- Lebedev D. V severnykh podzemel'iax Kalabrii [In Northern Catacombs of Calabria]. *Pioner* [Pioneer], 1932, no. 2.
- Morozova T. Voennaia igra [War Game]. *Pioner* [Pioneer], 1939, no. 2.
- Nekrasov A. Sovetskii flag [Soviet Flag]. *Pioner* [Pioneer], 1937, no. 3. C. 76–80.
- Rassadin S., Sarnov B. *Rasskazy o literature* [Stories about Literature], Moscow, Detskaia literatura, 1977.
- Shtorm G. Poltava. *Pioner* [Pioneer], 1939, no. 6.
- Timofeeva I. N. Rol' zhurnala "Pioner" v razvitii sovetskoi detskoj literatury (1924–1932 gody) [Significance of "Pioner" Magazine in Development of Soviet Children's Literature]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Candidate degree in Pedagogics. Leningrad, 1954.
- Veselova K. Privet iz SSSR. Pis'mo Kalerii Veselovoi [Greetings from USSR. Letter from Kaleria Veselova]. *Pioner* [Pioneer], 1937, no. 5.
- Zanegin M. Karmannaia artilleriia [Pocket Artillery], *Pioner* [Pioneer], 1939, no. 1.
- Zloi M., Nazarov R., Mal'tsev A., Matvienko I. Pis'mo so s'ezda [Letter from Conference]. *Pioner* [Pioneer], 1939, no. 3.
- Zmeia razdavlena [Snake is Crashed]. *Pioner* [Pioneer], 1936, no. 9.
- Zorche, tovarishchi! [Be Watchful, Comrades!]. *Pioner* [Pioneer], 1937, no. 5.